

Вѣщій.

(Монологъ).

○ ○ ○

(Сцена представляе лѣтну околицю, съ видами на горы. Пôдъ пнемъ дерева сидитъ старецъ, сивый, съ довгою бородою и розсьяпымъ волосомъ на открытôй головѣ; чоло высоке, лице блѣде, маркантне. По пôднятью куртины, сидитъ хвилю недвижимо, пôдперши голову рукою и задивленый въ одну, праву, сторону. Старецъ мае на собѣ довгу, поважну одежу. На муравѣ пôдъ деревомъ лежитъ капелюхъ.)

Замеркло на свѣтѣ... потемнѣло широке небо.

Лишь тамъ, — въ тôй однôй сторонѣ свѣта, где сонце сконало, виджу еще блѣдый слѣдъ ясности погасшого свѣтла... пропавшого щастья! (*По хвили, голоснѣйше*).

На великанскихъ плечахъ гôръ спочивае той блѣдый слѣдъ ясности колись-то веселого дня... (*Указуе рукою*).

Горы тамъ дрѣмаютъ, спятъ; здаесь, що то огромный великанъ — силачъ положився на землю и спитъ тихонько и грозно... А може то вѣковый кладъ русской горбатой доли... може великанскѣ могилы богатырôвъ и ратникôвъ, погибшихъ за русску славу въ протягу тысячелѣтій!..

—— (*Отрокинувшись*). Що тамъ таке въ глубокôй дали?. Гаа!.. Здаесь менѣ... привиджуесь менѣ, що тамъ на западѣ двигнулись горы пôдъ полуяснымъ горизонтомъ,.. що дыхнувъ дремучій силачъ, що грудь его пôднеслася!., О! а теперь силачъ той зѣвнувъ огнемъ погôдной блискавицѣ. (*По хвили,—вставши*).

Оо!.. що то?.. Рукавомъ махнувъ великанъ?.. А може то хмара пôднялася... така, якъ рукавъ... Гей, чи хоче пробудитись и встати и въ походъ ити сей тамъ страшный силачъ, що будьто задрѣмавъ пôдъ свѣтлыми слѣдами сконавшого сонця?.. Дивлюся... (*прислонюе очи долонею*) дивлюся... и виджу.. а може менѣ привиджуесь сновь?.. Нѣтъ, таки тамъ справдѣ двигаются якîсь сонні мары... Встаютъ и будьто руки благательно пôднимаютъ... Гааа!.. Що то за привиды?..

Чомусь здаеся менѣ, що нагло встае передôмною цѣла наша минувшôсть... бувальщина и слава минувшихъ вѣкôвъ. (*Задивлюесь*).

А то що?.. Знову щось нового. Тамъ, тамъ на горбатыхъ плечахъ дремучихъ горъ... Тамъ выростаютъ на верхахъ якîсь замки... якîсь виджу крѣпости на скалахъ... палаты!

Господи, що за чудо!.. Пôзнаю ихъ! Встаютъ зъ челюстей русской земли наши стариннî замки и палаты и городы... Гааа!.. Яке величіе!.. яка сила! яка слава! То палаты нашихъ давныхъ вельможъ... то замки воеводъ... то городы нашихъ князей!.. Чудне все то пôдъ кровомъ свѣтлой минувшости. И душу радуе... манитъ, одушевляе! (*По хвили*).

А тамъ... а тамъ — чи добре виджу?.. Якъ разъ пôдъ яснымъ слѣдомъ вечерного неба блищитъ щось якъ бы копула... Аа! то церковь. Встае златоверха церковь нашихъ предкôвъ... Така величественна... свята! Чудно... чудно!.. (*Вслухуесь. По хвили.*) Що то за голосъ?.. Причулося менѣ щось якъ бы голосъ звону... Звонятъ тамъ гдесь далеко въ тôй дивнôй соннôй башнѣ церковнôй...

(*Для ефекту чути за сценою тихі голосы звонôвъ. Старецъ вслухуесь розрадовано и потôмъ говоритъ зновь сильнымъ трогательнымъ голосомъ:*)

Господи! Що дѣесь вокругъ мене?.. Вертаютъ давнѣ вѣки и столѣтія, що ураганомъ прошумѣли надъ русскою землею... Пôднимаются изъ развалинъ всѣ замки и палаты и городы, тѣ крѣпости русской силы и славы... Встаютъ храмы божѣ и кличутъ звоны — кличутъ и манятъ опустѣлу душу!.. Воскресае передôмною старина. Чудно! А давнѣ люди?.. Где они?.. Где колишнѣ воеводы, князи?.. Где ратники и борцѣ за честь народа?.. Где богомольцѣ и мученики за вѣру?!.

(*Задумуесь печально и сѣдае, пôдперши голову и задивившись на право, ôтки являесь и стае у входа: старый бѣленькій и блѣдый монахъ съ крестомъ въ руцѣ при грудяхъ и въ каптурѣ. Монахъ, постоявши хвильку, пересуваесь поволи и тихоничко, якъ тѣнь черезъ сцену и стае въ глубинѣ въ углѣ на право пôдъ стѣною, якъ статуя недвижимо. Старецъ провожае монаха здивоваными очами, потôмъ говоритъ оживлено:*)

Чого бôль здавивъ мое серце! Ото встаютъ... воскресаютъ давнѣ люди. Ото виджу, монаха зъ пропавшихъ временъ... Явився зъ того, завороженого, монастыря тамъ... Приходитъ, съ крестомъ... стоитъ... (*Пôднимаючись, сильно, съ патосомъ.*) Старче праведный! Чого лишаешь свою тиху келію? Чого являешься съ крестомъ?... Чи, хочешь утишити бурю нашихъ часôвъ, наши страсти, нашу взаимву ненависть, що нынѣ пожирае сынôвъ одной матери гôрше ôтъ огня и меча?!..

(*Нѣмо стоитъ въ глубинѣ блѣдый монахъ. якъ сонъ, якъ привидѣнье, якъ тѣнь. Лишь губы его, здаесь, шепчутъ молитву за добро и щастье народа.*)

(*Вѣщій сѣдае сновь и задумуесь, задивившись на лѣво*).

Ай.. а тамъ що таке?... Виджу, тамъ въ сонной дали открываются ворота княжого замку и выходитъ... поважно выходитъ ры-

царь — панцырный рыцарь давныхъ вѣкôвъ.

(Зъ лѣвой стае у входа рыцарь въ панцырѣ и колпаку блескучôмъ, съ щитомъ и копіемъ, старый и сивый, но рослый и могучій.)

Чудный... чудный ратникъ, богатырь и хранитель погибшой славы и вѣры!... Пышно блищитъ его панцырь, шеломъ, копіе...

(Рыцарь тихонько и поволи, якъ тѣнь пересуваесь черезъ сцену и стае зъ лѣвой стороны монаха, недвижимо, якъ статуа.)

Куда идешь рыцарю?... Чи на бой выбираешься съ ворогами ôтчины?...

(Теперь изъ-за бочныхъ кулисъ и съ переду ударяе на сцену сильне червоне бенгальске свѣтло).

Охъ, а то що за диво?... *(Встае)*. Чого такъ нагло заяснѣло? Сталось кроваво, страшно... Горитъ!... Горитъ небо, горятъ горы, горитъ земля! Господи! Въ огни вся руска земля... пламени страстей несуть повсемѣстно опустошенье, погибель, ганьбу! Гей гасѣтъ пожаръ, — ради Бога, гасѣтъ пожаръ!! *(Звертаючись до монаха)*. Черниче, чи видишь що дѣесь?... *(звертаесь до рыцаря)*. Ратнику желѣзный! Вокругъ васъ огонь, жаръ... горитъ!...

Гей, на милость Бога, гасѣтъ пожаръ, бо спалитъ насъ всѣхъ, бо въ порохъ и попѣлъ оберне майно народа!...

Чи вертае старина?... Чи знову идутъ на Русь полки печенѣгôвъ, половцѣвъ, татаръ и туркôвъ съ огнемъ и мечемъ?... Знову бьютъ о сталевый панцырь нашихъ богатырей?... Штурмуютъ замки, валятъ палаты?...

(Освѣтленье знову сильне, кроваве).

Виджу знову поломѣнь... гоо... валятся муры, замки, башты... горятъ церкви и монастыри. Якъ грозно, якъ страшно!

(Рыцарь клякае передъ монахомъ, сей благословитъ его и супроводжае въ глубину).

(Освѣтленье слабне).

Зчезае монахъ.. зчезае и панцырный богатырь!... Гаа! Зъ привидôвъ величавыхъ замкôвъ, зъ гордыхъ палатъ и величавыхъ храмôвъ, лишились тôлько мизерні розвалины!...

(*Сѣдае знеможеный и опечаленый*).

Темно зновь и тихо.. Тихо?.... (*Встае въ весь ростъ и говоритъ сильно, вѣщо*).. Пожди брате, встане зновь день и пôдоймесь зъ всѣхъ горизонтôвъ новомодна буря... Пôйде зновь по селамъ и городамъ и стане нищити все мечемъ клеветъ и огнемъ ненависти...

(*Пôднявши руки и задивившись въ сторону публики, въ экстазѣ*).

Пророчимъ духомъ я чую, що прійдутъ ще тяжшû часы, ще сильнѣйша буря, ще страшнѣйшû опустошенья... ôтъ пожару страстей!

(*Трогательно и слабнючимъ голосомъ, упадаючи поволи на лавочку.*)

Но днесь не маемъ вже охоронныхъ замкôвъ, ни палатъ, ни богатырей, ни желѣзныхъ полкôвъ на защиту русской земли... на охорону народной чести!...

Но чи опускати намъ байдужно руки? Чи плакати и сумовати надъ недолею? Нѣ— братья! Нехай шалѣютъ бурѣ и громы, нехай идутъ противъ насъ всѣ адскû силы — а мы все таки не загинемъ. И встанемъ еще могучû и свобôднû! Не вернутъ наши давнû богатыри, герои въ желѣзныхъ панцыряхъ, но для защиты русской славы станутъ до бою герои въ бѣдныхъ хлопскихъ сѣракахъ—и за ними буде побѣда. Гей богатыри — будѣтся! Ставайте! Хоть ваша грудь вкрыта лишь простою, полотняною сѣрачиною, но она сильна, тверда, русска грудь! На ней покрушатъ свои копія вороги —и вамъ еще засвѣтитъ сонце свободы и воли!

(Куртина паде поволи)

Конюхôвъ 20. лютого 1911.

Недолевъ.

Часомъ у снѣ...

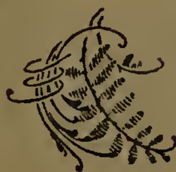
Часомъ у снѣ побачу
Дитинныхъ лѣтъ весну
И зъ радости я плачу,
Та — що менѣ зô сну?
. . . .
Часомъ, якъ сонні̂ крыла
Въ весняный чудный часъ
Тихонька нôчка, мила,
Розкине геть — вкругъ насъ,
Я чудні̂ думы спую;
Чомусь серденько бьесь,
Я мовъ бы виджу, чую,
Що ї—я молодшії̂ днесь!
Часомъ лѣтновъ порою,
Якъ бѣлый — ясный день,
Иду я въ лѣсъ съ юрбою,
Тамъ ôвцѣ — дзень-дзелень,
А птички тамъ спѣваютъ,
А мушочки бренятъ,
А цвѣточки плѣняютъ,
Мотыльочки летятъ...
Часомъ, я виджу въ поли,
Якъ женцѣ жито жнутъ,
Якъ вечеромъ поволи
Съ пѣсонькою идутъ
Въ село... Часомъ раненько
Въ недѣлю грае дзвôнъ,
При хатцѣ такъ чистенько,

А люди йдуть поклôнъ
Отдати Богу въ церковь.
. . . .
Тогда молюсь и я...
Молюсь, бо вже сумеркомъ
Вкрылись мои лѣта!

Часомъ тебе, о мила,
Встрѣчаю я у снѣ...
Вспôмну, якъ ты любила,
И такъ солодко мнѣ...
Здаесь, съ тобовь, зôрничко,
Иду въ щасливый путь —
Свое ты ясне личко
Кладешь менѣ на грудь...
. . . .
Часомъ у снѣ я бачу,
Щасливыхъ лѣтъ весну
И зъ радости я плачу...
Та — що менѣ зô сну?

Львôвъ 1 марта 1911.

Гр. Ганулякъ.

Публикаціи не рѣдко
Я въ газетахъ пробѣгалъ:
Тамъ потеряна браслетка,
Тамъ любимый мопсъ сбѣжалъ.
Самому мнѣ не пора-ли
Публикацій сдѣлать рядъ:
У меня вы сердце взяли —
Дайте-жъ мнѣ его назадъ!..

Сорокалѣтній дэнди.

Йойна

спѣвае куплеты.

(На арію: „Dziś bal u Bombacha“).

Ци вы мене знали?
Я Йойна Гедале.
То такъ — то я нибы сьи зву,
Я маю корчмонька,
А тамъ горѣлонька,
И рôжнŷ меціи — ажь ну.

Кто хоче, у мене,
Тепле чи студене,

Дôстане за гроши сейчасъ,
Чи въ день то, чи въ ночи,
Дôстане що хоче,
Бо Іойна... все гречный для васъ...

Гопъ! я смѣюсь зъ кажде гой,
Гопъ! гопъ! — таки а зой!
Хоть на око — я добрый жидъ,
Але гоя — дру якъ слѣдъ!

Мôй Суре ôтъ рана,
Хоть еще заспана,
Торгуе, шинкуе — все рухъ.
А я помагаю,
До ней сьи всмѣхаю,
Бо я собѣ, видите, — зухъ!

Мôй корчма набита,
Бо файнъ оковита
Всѣ гои зô смакомъ все пьютъ.
Иваны та Грицѣ
Тай ихъ молодицѣ...
Потôмъ... то сьи навѣть побьютъ.

Гопъ! я смѣюсь зъ кажде гой,
Гопъ! гопъ! — таки а зой!
Хоть на око — я добрый жидъ,
Але гоя — дру якъ слѣдъ!

Правда, сьи завзяли,
(Бодай не дôждали!)
Деякî зъ тыхъ гоѣвъ на насъ.
Хотятъ шинковати
И бронфъ продавати,
Бодай ихъ забравъ вже той фрасъ.

Но я сьи не журю,
Куба си закурю,
Бо гой ще купцемъ не буде.
Оно збанкротуе,
Бо кепско торгуе,
Бо де му до того, де, де!

Гопъ! я смѣюсь зъ кажде гой,
Гопъ! гопъ! — таки а зой!
Хоть на око — я добрый жидъ,
Але гоя — дру якъ слѣдъ!

Гр. Ганулякъ.

Перехитрила.

Монологъ.

(*На сцену вбѣгае съ великимъ смѣхомъ селянинъ, съ червонымъ носомъ и довгiй часъ смѣеся*): А то дурна баба! Ха! ха! ха! Алемъ ю оцыганивъ! Ôтдала менѣ мою повну фляшочку горѣвки и еще шустку дала, абымъ пôшовъ нынѣ до читальни! А то дурна баба! ха! ха! ха! Та то нибы кажутъ, що у бабы довге волосье а короткiй розумъ! Алемъ ю ажь нынѣ взявъ! — Що, що? Пытаетесь, якъ то було? Чекайте, заразъ я то вамъ росповѣмъ, але напередъ мушу собѣ трохи потягнути. (*Вытягае фляшочку и знову смѣеся*): А то дурна баба! А томъ ю нынѣ взявъ! — Але не буду еще пити, бо забувъ бы я вамъ сказати, якъ то все було. (*Ховае фляшку до кишени*). Знаете такъ то було... Скажу вамъ цѣлу правду, але прошу васъ дуже не смѣйтеся, бо направду, що то цѣлкомъ не до смѣху! (*теперь говоритъ сумно*)

...Вчера... такъ, вчера, пополудни, сиджу я въ хатѣ и дивлюся черезъ ôкно на Божiй свѣтъ... Вижу нашû хлопскû, низкû хаты, засыпанû снѣгомъ. Всюда тихо, а такъ якось сумно, що ажь за серце мене стиснуло... А тамъ подальше, на горбочку, бѣлѣеся наша корчмонька и ажь тягне мене до себе... Дивлячись на ню, слезы зайшли менѣ до очей и заслонили собою все, все... Пригадавъ я собѣ, якъ то, не такъ еще давно, за моеи небôженьки першои жены, гу-

лявъ я въ корчмоньцѣ, бувъ веселымъ и гроши були, а теперь, при тôй другôй женѣ такъ менѣ якось тяжко, дуже тяжко. (*плаче*) Ой не було то, якъ моя перша жѣнка! При ней бувъ я вôльный, якъ той пташокъ! И длятого, здаеся, померла, бо то всегда такъ буває, що добре, то скоро вмирає, а що зле, лишаеся на свѣтѣ... Я также незадовго, помру... Взявъ я собѣ другу, але та дурна, не пускае мене нигде, тôлько гонитъ мене до читальни! Бодай тебе, дурна бабо! По що я маю ити до читальни, чи хоть вмѣю читати?

Отже, якъ менѣ такъ дурно якось зробилося, кажу я до моеи Катарины: Катарино, знаешь, пôду я троха до читальни, може буде тамъ щось цѣкавого и для мене. Она, чуючи то, подивилась на мене, знаете такъ якось весело, тай каже: Добре, добре, иди Гаврилку! И пôшовъ я... Мыслите може до читальни? Але где тамъ! Щобъ я тамъ робивъ? Пôшовъ я до Мендля, до его корчмы, бо тамъ мене тягнуло... Але бѣда, думаю собѣ черезъ дорогу, бо грейцара нема при души. Но, але най буде що хоче, пôду хоть понюхаю зъ далека того милого корчемного запаху. Прійшовъ я тамъ, сѣвъ собѣ на лавцѣ коло ôкна и зновь засумовався. Черезъ ôкно увидѣвъ я кресты на цвинтари и якъ разъ той крестъ, пôдъ котрымъ лежитъ моя небôженька перша жѣнка... Ой! знаете, такъ мене за серце стиснуло, що не мôгъ выдержати и знаете, крикнувъ я голосно: Мендель, дай менѣ фляшочку! Що? чи давъ? Давъ, такъ есть давъ, бо знае, що я ему ôтдамъ за ню гроши. Сидѣвъ я тамъ зо двѣ годины, а потôмъ, идучи до себе, взявъ собѣ другу флящину, на завтра. Прійшовъ я до хаты, а жѣнка мене въ каркъ: Где ты бувъ? А я кажу: Въ читальни! А она зновь другій разъ въ каркъ, тай въ крикъ: Ты піяку, ты мочимордо якійсь, ты бувъ въ читальни?! Сказавши то, начала менѣ по кишени шукати, найшла горѣвку, и що кажете, ôтобрала менѣ. А то безъ совѣсти баба, абы ю нужда взяла! Взяла менѣ горѣвку и щожь я завтра пити буду? Але ни-

чого не говорю, бо то я, знаете, всегда бабѣ уступаю, и пôшовъ спати. Але, мыслите, що мôгъ я заснути? Где тамъ! Цѣлу нôчь снилась менѣ тая фляшочка, цѣлу нôчь мыслывъ я надъ тымъ, якъ бы то, ту фляшочку назадъ дôстати. Вставъ я рано сумный, жѣнка зла, не хоче на мене и дивитись. Ходжу сумный изъ кута въ кукъ, думаючи, чимъ бы я мôгъ прислужитись Катаринѣ, щобы менѣ горѣвку ôтдала. Ажь наконецъ она каже до мене: Гаврило, иди нарубай патыкôвъ, бо зимно въ хатѣ! А я кажу: Не пôду, ôтдай горѣвку, то пôду. А она каже: Дамъ тобѣ тогда, якъ нарубаешь патыкôвъ на цѣлый тыждень и якъ пôдешь нынѣ до читальни. Якъ я то учувъ, кажу: Але добре, добре, моя золота Катарино, нарубаю тобѣ и на цѣлый мѣсяцъ! И пôшовъ я рубати, але якъ я рубавъ, то знаете, страхъ! Все горѣло менѣ въ моихъ рукахъ. Нарубавъ стôлько, що выстане на два мѣсяцѣ! Зопрѣвъ я, то правда, але нарубавъ дровъ на довгій часъ. А все то, знаете, для святой горѣвки... те... хтѣвъ я сказати для святои згоды! Поскладавъ я патыки, пôшовъ до Катарины, и она, знаете, ôтдала менѣ ту фляшочку и каже: На, маешь твою горѣвку, а увидѣвши, що я такъ зопрѣвъ, каже: Иди теперь троха до читальни, послухай тамъ щось доброго, а за то, що ты такъ змучився, маешь еще шустку. И дала менѣ шустку, я сховавъ ю въ кишеню и, знаете, иду теперь нибы то до читальни! Ха! ха! ха! А то вамъ дурна баба! Пôду до Мендля! Маю прецѣнь шустку! (*Вытягае фляшочку*) А теперь, ходи моя потѣхо, напюся тебе! (*Выхиляе фляшку, начинае пити, но сейчасъ плюває и кидае фляшку на землю*) Бодай тобѣ, а гій, чортъ якійсь! Та то вода! Чи тебе нещастье пôрвало! Чекай ты небого, то ты менѣ воды налила! Но, добре, що хоть шустку маю. Иду до Мендля! (*Вытягае и дивится на грôшъ*) Дивѣтъ людоньки! Скаранье боже! Та то грейцаръ! А то вамъ баба! Най ю чортъ возьме!

Ив. Болкотъ.
